

М. П. Крылов

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПРОБЛЕМЕ «ЦЕНТР — ПЕРИФЕРИЯ»

Понятия «центр» и «периферия», как и другие основополагающие понятия, несущие повышенную смысловую нагрузку, в научном обиходе часто утрачивают свой первоначальный смысл, обычно ограниченный у классиков, введших эти понятия, лишь определенными ситуациями, служащими для них (классиков) основой последующих построений. Определенная вина (в кавычках или без кавычек) некоторых (не всех!) классиков здесь может заключаться лишь в отсутствии энтузиазма по формулированию разнообразных оговорок, предостерегающих от излишне расширительной трактовки вводимых ими понятий и сопряженных с ними теорий. С другой стороны, «подводные камни» при использовании теорий обнаруживаются позже, да и первоначально все случаи их приложения заведомо не могут быть предсказаны и заранее осмыслены. Поэтому нет ничего удивительного в том, что происходит профанация этих понятий; они превращаются в метафоры, призванные внушить научному сообществу, учащейся молодежи, политикам и широкой публике мысль о научной обоснованности различных концепций и проектов. Эта обычная для науки и общественной жизни ситуация в свое время была гениально «схвачена» М. А. Булгаковым в «Собачем сердце» («...атавизм!»).

Понятия «центр» и «периферия» в настоящее время применяются чрезвычайно широко и уже стали восприниматься как обязательная к исполнению банальность.

Часто неоправданно отождествляют «центр» с более массивным, «экстенсивно крупным», а «периферию», соответственно, с менее массивным, экстенсивно менее крупным («большому кораблю — большое плавание») или даже с более слабым, пассивным, вторичным, в чем-то — ущербным, что в особенности является ошибочным, а во многих случаях — и практически вредным. Конечно, Рязань по большинству параметров «центральный» Касимова, Сасова или Шацка, однако Нежин отнюдь не «периферийнее» по отношению к своему областному центру — Чернигову (Нежин, а в какой-то степени и Глухов Сумской области можно считать своеобразным аналогом Оксфорда и Кембриджа, которые никак нельзя считать периферией по отношению к Лондону). Мичуринск, получивший статус «наукограда», нельзя считать безусловной периферией по отношению к своему областному центру — Тамбову (кстати, в 1917 году губернская организация большевиков находилась не в Тамбове, а в Козлове — современном Мичуринске).

То, что принимают за «периферию», нередко более правильно считать «идущим по другой траектории развития»; тогда «центр» лишается безусловного статуса эталона. С этих по-

зиций Восток и Запад в историческом развитии очень ограниченно может рассматриваться с позиций центра и периферии по отношению друг к другу; правильнее считать их однопорядковыми, но во многом разнокачественными сущностями, каждая из которых имеет свои центры и периферии (очевидно, что Индокитай является периферией по отношению к Индии и Китаю).

Следует обратить внимание на следующее.

1) Одни и те же территории, социумы и т.д. в одних ситуациях (измерениях и др.) могут быть (являются) «центрами», а в других — напротив — «периферией».

Например, традиционная схема, противопоставляющая Россию и «Запад», предполагает, что Россия всегда и по всем параметрам «отстает» от Запада (в положении России оказываются также Венгрия, Польша и даже Чехия; например, считается, что Реформация началась в Германии в XVI веке, а не в Чехии в XV). Но имеются и многочисленные исключения. Академия наук в России (в Санкт-Петербурге) возникла на 9 лет раньше, чем в Швеции. В конце XIX – начале XX века интеллектуальными центрами Европы были: Вена, Париж, Петербург и Берлин. Можно вспомнить русский «Серебряный век», «краеведение», новаторство И. П. Павлова, Д. И. Менделеева, русских генетиков до разгрома в 1930, 1939 и 1948 годов и многое другое.

2) Центры как источники креативности и инноваций не всегда могут быть выявлены по косвенным критериям, исходя из идеи «центральности вообще». Например, наибольшая активность экологических движений (по состоянию на 1990 г.) фиксировалась именно в центрах средней величины, продуцировавших эффект провинциальности, основанный на сочетании тех или иных форм общинности, невозможных в большом городе, и критических величин социально-культурного потенциала города [3, с. 188; с. 216]

3) Интерпретация территорий (регионов, городов) как центров и периферии никак не может быть взята за основу как доминирующий критерий их оценки (с разных позиций и для разных целей) Во многом более значимые оценочные категории для регионов и особенно городов, чем «центр» и «периферия» — их жизнеспособность и комфортность (в самом широком смысле).

4) В случае резкого отрыва (по разным параметрам) центра от периферии центр как бы «утрачивает контроль» над (своей) периферией (или: утрачивает связь со своей периферией). Такая ситуация характерна для колониальных стран, но не только — примеры: Франция и Париж, Россия и Москва.

Пример неверного толкования центра и периферии дает советский и постсоветский опыт. В отечественной практике это — взаимодействие идей равномерного и концентрированного размещения производства, впоследствии — размещения производительных сил, социальных объектов, обсуждение проблем «оптимального города».

Первоначально в советское время был популярен догмат о «равномерном размещении производства», имевший скорее идеологическое, чем реальное экономическое значение (догмат был связан, как сейчас считается, с неправильным переводом текста Ф. Энгельса). Идея равномерности производства хорошо вписывалась в риторику «социального равенства», а борьба с гипертрофией «центра» как наиболее развитой территории — с подавлением бывших эксплуататорских классов и «подъемом» национальных окраин. Известный лозунг о ликвидации различий между городом и деревней по сути означал стремление к ликвидации различий между центром и периферией. Такое стремление означало *отказ от учета объективных закономерностей экономического, социального и культурного развития, связанных с их пространственной неравномерностью*. Хотя в принципе известные канонические тексты классиков не отрицали, а предполагали существование неравномерности как пространственно-временной категории (например, в теории империализма), именно идея равномерности, а также связанная с ней идея (территориальной) деконцентрации до 1960-х годов претендовала на монопольный статус в теории (хотя классики и признавали роль крупнейших промышленных центров и в индустриализации, и в классовой борьбе). Эта ситуация отражала и ориентацию на жесткий нормативный подход, и отказ от учета самоорганизации в обществе, что вообще было характерным признаком той эпохи.

Однако именно нормативный аспект проблемы здесь оказался наименее изученным (таковым он остается и до сих пор). Какова должна быть «в идеале» пространственно-территориальная организация общества? В общем виде такой вопрос слишком абстрактен, однако в 1970-е – 1980-е годы в СССР он вылился в дискуссию об оптимальной величине города, о прогрессивности «сверхурбанизма» и о пределах роста территориальной концентрации. Сторонники концентрации и урбанизма исходили из критики догмата о равномерности размещения производительных сил и о сдерживании роста крупнейших городов. Они отвергали сталинскую идеологию и считали себя носителями прогресса. Однако принимаемая ими идеология была не всегда верной, поскольку ошибочно полагалось, что ложь или ошибка, «вывернутая наизнанку», превращается в истину.

В дискуссиях 1970-х – 1980-х годов выдвигалась идея об однозначных преимуществах наиболее крупных городов как носителей разнообразных форм прогресса. При этом не учитывались удобства жизни в других городах, распространение самых различных «нестоличных» форм и проявлений образа жизни (сторонники суперурбанизма всерьез считают, что все жители нестоличных городов мечтают переселиться в Москву).

Если в советское время суперурбанизм мог восприниматься как своеобразная форма легального свободомыслия, то впоследствии эта идеология превратилась в достаточно устойчивый и воинственный официоз. В 1960-е – 1970-е годы на этой идеологии были основаны известные проекты ликвидации неперспективных сельских поселений; в настоящее время на

этой же идеологии основаны не менее авантюристические проекты ликвидации малых сельских школ, лишения значительной группы малых городов статуса райцентров, и, наконец, лишения многих крупных городов — статуса областных центров (в связи с укрупнением областей).

В публикации «Россия пустеет?» [2], где сказано, что тогдашняя глава Минэкономразвития Российской Федерации Э. Набиуллина заявила (в связи с публикацией итогов переписи населения), что, по ее мнению, большинство жителей малых и средних городов постепенно переедет в «мегаполисы». Поэтому она считает, что «бюджетная политика будет меняться в пользу городов-миллионников». Однако редакция газеты «АиФ» в своем резюме критикует министра: «Чтобы страна была защищена, она должна быть заселена... Даже в Белоруссии не отменяют автобусы, если в деревне живет хотя бы 10 человек. **Так, может, надо наоборот поступать — не сокращать финансирование, а наращивать его, чтобы в деревне и газ был, и школа, и дороги?** Тогда при следующей переписи мы, возможно, увидим другую картину...».

Неужели дело в формальной «людности», отождествляемой с «центральной», а не в реальных импульсах социокультурной активности?

Надо разобраться: в чем причина проблем: *в собственной, «имманентной» неполноценности периферии, или же в навязываемых им правилах игры* (О. С. Пчелинцев приводил в связи с этим пример Ярославля, которого «заставили» стать депрессивным [5]).

П. Г. Щедровицкий, в качестве примеров «недееспособных» городов приводил даже такие крупные города, как Пензу, Псков и Рыбинск, а также Псковскую область целиком. [1] Ряд других авторов указывали на «бесперспективность» Рыбинска, критикуя его жителей за излишний местный патриотизм и укорененность. [4] Налицо — серьезная теоретическая проблема, связанная с очень серьезными последствиями для страны.

Если либеральная модель исходит из того, что надо помогать только сильным (ориентироваться на сильных), а слабые отсеются в ходе конкурентной борьбы за существование в процессе т.н. «естественного отбора», то где уверенность в том, что мы помогаем именно сильным, а не слабым (ориентируемся на сильных, а не на слабых). — ведь **о «силе» и «слабости» можно говорить лишь применительно к одной и той же «весовой категории»**. В социокультурном отношении Ярославль, вне всякого сомнения, «сильнее» Тюмени или Ханты-Мансийска, но в рамках современных правил игры и сырьевой направленности экономики России Ярославль, конечно, становится слабее. В социокультурном отношении Борисоглебск «сильнее», чем Балашов, но с формальной точки зрения это в настоящее время также не очевидно. Поэтому часто ставится вопрос о ликвидации Борисоглебского пединститута, в то время, как Балашовский пединститут поднят до уровня филиала Саратовского университета име-

ни Н. Г. Чернышевского. *Кому в этой ситуации помогли и кого хотят «утопить» — «сильного» или «слабого»?*

Список литературы и источников

1. Аргументы и факты. 2005, № 6.
2. Аргументы и факты. 2011, № 51.
3. Крылов М. П. «Региональная идентичность в европейской России», М., Новый хронограф, 2010. — 240 с.
4. Мезенцева Е. Б., Космарская Н. П. Бег по замкнутому кругу: уровень жизни, ментальные установки и социальная мобильность жителей России // Мир России. 1998, №3. — С. 141–188.
5. Пчелинцев. О. С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. — М., Экономика, 2004. — 258 с.